

Север двух друзей. Острова в холодном Белом и одновременно житейском морях теплятся молитвами братии в монастырях за Россию.

В прозе В. сильно лирическое начало. Ведущие темы — воспоминания детства, человек и природа, путь воцерковления. Значимы имена героев и топонимы, они «поднимают» пласты лит. традиции и культуры, часто имеют религиозное толкование. Очевидна связь с натурфилософской прозой И. С. Тургенева, С. Т. Аксакова, М. М. Пришвина.

П. Басинский называет имя В. в ряду «деревенской прозы» вслед за именами В. Белова, В. Астафьева и В. Шукшина, одновременно отмечая, что В. — «самый непонятный» из «молодых» писателей (Басинский П. — С. 15). Эта мысль перекликается со словами Е. Щегловой о том, что В. — «писатель очень простой при всей хрустальной ясности его слога», критик отмечает «тесное соприкосновение» В. с классикой, «тут нет вторичности и преднамеренной сентиментальной стилизации», от классики он «„заряжается“ нравственным максимализмом, чистотой, верой» (Щеглова Е. — С. 85). Ю. Минералов называет творчество В. «символическим реализмом» (Минералов Ю. — С. 62).

Кроме прозы, В. пишет и публикует статьи о совр. лит-ре: «Убийство» (Дружба народов. 2000. № 11), «Оставлены на второй век» (Лит. газ. 2001. № 52. Дек.), «Наваждение Леонида Леонова» (о романе «Пирамида») (Москва. 1997. № 4). Плоды науч. исследования прозы М. М. Пришвина — статьи литературоведческого характера (Вопр. лит-ры. 2001. № 2, 6; Новый ж. 2001. № 224, 225; Октябрь. 2002. № 1, 2), книга о М. М. Пришвине в серии «ЖЗЛ» (М., 2003) и докторская дис. «Жизнь как творчество в Дневнике и худож. прозе М. М. Пришвина» (2003).

С сент. 2002 ведет публицистическую колонку в «Лит. газ.». Писательскую деятельность совмещает с преподавательской работой и науч. исследованиями на филол. ф-те МГУ. Произведения переведены на немецкий, китайский, японский, литовский, армянский яз.

Член Союза российских писателей с 1993 и общественного совета ж. «Октябрь» с 1998, «Роман-газ.» с 1999. Член Русского Пен-центра с 2003. Лауреат премий ж. «Смена» (1991), ж. «Октябрь» (1995, 1997), «Антибукер» (1995), Lege Artis за лучший рассказ (Германия, 1995), газ. «Московский железнодорожник» (1997), «Роман-газ.» (1998), ж. «Лит. учеба» (2001). Живет в Москве.

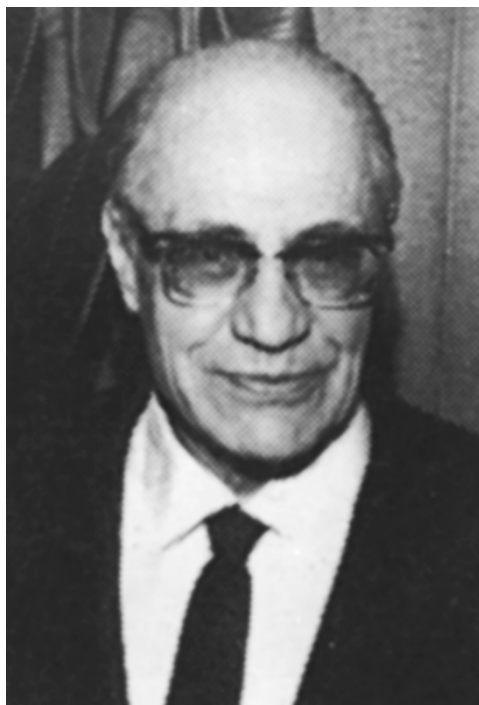
Соч.: Дом в Остожье. М., 1990; Здравствуй, князь М., 1993; Купавна // Новый мир. 2000. № 10–11; Ночь славянских фильмов. М., 2001; Затонувший ковчег. М., 2002; 11 сентября // Москва. 2003. № 8–9; Пришвин. М., 2003.

Лит.: Мокроусов А. Бунин, Трифонов, Варламов... // Огонек. 1993. № 36; Щеглова Е. Мелодия человечности // Вопр. лит-ры. 1995. № 3; Басинский П. Проза совр. русского реализма // Лит-ра. 1996. № 5; Михайлова Г. «...и покажу тебе, чему надлежит быть после сего» // Русская лит-ра и культура рубежа веков. Вильнюс, 1997; Славецкий Вл. Элизиум теней // Новый мир. 1998. № 11; Касаткина Т. Подростковый период // Новый мир. 1999. № 11; Сердюченко В. Русская проза на рубеже третьего тысячелетия // Вопр. лит-ры. 2000. Июль–авг.; Минералов Ю. И. Символический реализм // Минералов Ю. И. История русской лит-ры. 90-е годы XX века. М., 2002.

Е. Р. Боровская

ВАРШАВСКИЙ Владимир Сергеевич [11(24).10.1906, Москва — 22.11.1978, Женева] — прозаик, публицист.

Сын присяжного поверенного и журналиста С. И. Варшавского. В 1920 вместе с отцом и семьей эмигрировал через Константинополь в Прагу, из которой после окончания гимназии и юридического ф-та Пражского

В. С. Варшавский

ун-та в 1926 переехал в Париж. Изучал литературу в Сорбонне. Был близок к группе монпарнасской русской лит. молодежи, ощущавшей себя изгоями, или, как он сам позднее назвал свою самую известную книгу, **«Незамеченным поколением»**. Дружил с Б. Поплавским, о котором оставил интересные воспоминания.

Первый опубликованный рассказ **«Шум шагов Франсуа Вийона»** (Воля России (Прага). 1929. № 7) рисует знаменитого французского поэта таким же, какими ощущали себя молодые русские писатели в Париже: неприкаянным, одиноким и одновременно напряженно ищущим смысл бытия.

В 1939 В. вступил добровольцем в ряды французской армии, участвовал в Сопротивлении. Провел 5 лет в немецком плену, откуда был освобожден союзниками. Эти события нашли отражения в повестях **«Первый бой»** (1946) и **«Семь лет»** (1950).

Глубоким горем для писателя стала смерть отца, видного деятеля русской диаспоры в Чехословакии, арестованного НКВД после освобождения Праги советскими войсками и погибшего в ГУЛАГе. В 1950–68 В. жил в США, затем вернулся во Францию.

В Америке создал публицистическую книгу **«Незамеченное поколение»** (1956) — «опыт рассуждения о судьбе эмигрантских сыновей». Младшее поколение, покинувшее страну почти детьми, утверждал в ней В., мучительно искало смысл жизни и свое место в ней и встречало равнодушие и непонимание. Все это осложнялось нищенским материальным положением большинства молодых талантов. Никто из них не вел жизни профессиональных писателей: работали таксистами, рабочими на заводах, поденщиками, подрабатывали уроками, переводами, перебивались мизерными стипендиями от различных фондов. Часто голодали. У них был комплекс эмигрантской отверженности, гордыня соединялась с «трансцендентной униженностью», сладкая безнадежность с поисками нищего рая. Рядом с надеждой на содружество, братство, обретение Бога жил всеразъедающий скептицизм.

Все эти комплексы присущи и носящему автобиографические черты писателя Володе Гуськову, от лица которого написана в форме дневника книга **«Ожидание»** (1972). Наряду с воспоминаниями о своем арбатском детстве герой рассказывает о состоянии неприкаянности и одиночества в довоенном Париже. Превосходно написаны портреты парижских друзей и знакомых героя: Б. Поплавский назван здесь Глебовым, Керенский — Бобров-

ским. В книгу вошли переработанные повести **«Первый бой»** и **«Семь лет»**: в годы войны Гуськов нашел себя. Встреча с лейтенантом Красной Армии Даниловым, нарисованным с большой симпатией, укрепила в герое мысль о любви к человеку безотносительно к его социальному положению. Однако знакомство с советской системой в целом приводит автора повествования к выводу о том, что между большевистским и гитлеровским тоталитаризмом нет существенной разницы.

Большую роль в худож. системе «Ожидания» играют сны, видения, раздумья. Критика единодушно говорила о влиянии на В. книги М. Пруста **«В поисках утраченного времени»**.

Книга заканчивается новым приступом меланхолии у героя-повествователя и мистическим ожиданием раскрытия тайны жизни. В таком финале безусловно сказалось увлечение писателя религиозной философией, а также философией интуитивизма А. Бергсона, «верой во всечеловеческое братство и убеждение, что те, кто этой вере жертвенно служит, в самом страдании своем будут счастливее тех, кто от этой веры отказывается», — писал протоиерей К. Фотиев (Новый ж. № 109. С. 273).

Последняя книга писателя **«Родословная большевизма»** (1982) посвящена опровержению расхожего на Западе суждения о том, что большевизм является закономерным продолжением русской государственности, проявлением русского национального менталитета. «Разговоры о том, что русский народ ответствен за все преступления большевистской власти, — пишет В., — такое же проявление примитивного, погромного, геноцидного сознания, как убеждение, что все евреи отвечают за распятие Христа». В русском народе, подчеркивает писатель, главное — стремление к Правде, Добру, Красоте, Богу и Любви. Русский человек стремится к соединению Царства Божьего и земного, в то время как марксизм паразитирует на этом стремлении, являясь «псевдонаучным, материалистическим, безбожным» суррогатом Тысячелетнего Царства. В книге содержится чрезвычайно интересный анализ романа А. Платонова **«Чевенгур»**, противостоящего истинному Новому Граду.

Соч.: Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956; Ожидание. Paris, 1972; Родословная большевизма. Paris, 1982.

Лит.: Иваск Ю. Вл. Варшавский. Ожидание // Новый ж. 1972. № 109; Цурганова В. А. Варшавский // Писатели Русского зарубежья, 1918–40. М., 1994. Ч. 1.

В. В. Агеносов